

Матушка, восседая на главном месте, хохотала над этой парой — господином и служанкой. Увидев меня, она с лукавством сказала: «Тайпин, как раз вовремя! Иди-ка научи Даня писать».

Ванъэр тут же отпрянула от Ли Даня, проворно, словно заяц, спугнутый тетивой. Две служанки подвели меня к Ли Даню: одна постлала передо мной пеньковую бумагу, другая вручила кисть. Во всём зале люди давили смех, уставившись на меня. Ли Дань же ни капли не стеснялся: шлёпнулся ко мне в объятия, невнятно лопоча «Сестрица!», вымазал меня с ног до головы чернилами и принялся дёргать, требуя, чтобы я взяла его на руки.

Делать нечего — я взглянула на матушку и, получив её кивок, осторожно подняла Ли Даня. Эта малявка была на целый год старше Шоули, а по части озорства превосходила его в сто раз. Едва оказавшись у меня на руках, он тут же попытался вскарабкаться мне на плечо. Я не позволила, и он принялся дёргать за мою одежду. Отчитать его, как Шоули, я не смела, так что лишь почтительно подставила ему левую полу халата. Он потянул её, но, видимо, не удовлетворившись, отпустил и потянул за правую. Я в испуге воскликнула: «Святой, нельзя!» — и бросила взгляд на матушку. Та взглянула в сторону, и несколько кормилиц тотчас унесли Ли Даня, а другие повели меня переодеваться. В дворце Лояна оставалась моя одежда, но во дворце Шанъян её не было. Матушка было велела принести свои старые вещи, но А-Хуань поднялась и сказала: «У меня всегда с собой запасное платье. Если Тайпин не побрезгует, можешь надеть моё».

Матушка кивнула, и А-Хуань вместе со свитой проводила меня в боковой павильон. Она сама достала одежду, примерила её ко мне и с улыбкой заметила: «Смотри-ка, вроде по размеру подходит. Интересно, как сидеть будет».

Я с усмешкой посмотрела на неё, многозначительно сказав: «А-сао, мы столько лет вместе. Неужели ты моего размера не знаешь?» В ответ она лишь бросила на меня взгляд и принялась расстёгивать моё платье. Я поспешно воскликнула: «Как я смею утруждать тебя?»

Она покосилась на меня: «Мало я тебя раньше одевала-раздевала? Чего это ты вдруг застеснялась?» Её служанки, зная, что она была моей спутницей в учёбе и мы всегда были неразлей вода, окружили меня, сняли верхнюю одежду и юбку и позволили А-Хуань накинуть на меня верхнее платье и надеть новую юбку. Все наперебой подшучивали и смеялись, отчего я покраснела и укоризненно взглянула на А-Хуань: «А-сао, и ты позволяешь им так меня обижать?»

А-Хуань, завязывая мне пояс, усмехнулась: «Кто это тут обижает принцессу Чанлэ? Выходи, я тебя отругаю!»

Цици и другие захихикали: «Госпожа, да кто посмеет принцессу обидеть?»

А-Хуань, закончив с поясом, сделала серьёзное лицо и взглянула на меня: «Никто тебя не обижает. Тебе, наверное, почудилось. Не дёргайся». Она приподнялась на цыпочки, приблизилась и, раздвинув пальцами воротник, заглянула внутрь. Я вся вспыхнула, отвернувшись и спросила: «Что ты делаешь?»

Она дунула мне на шею, отчего меня пробрала сладкая дрожь, а лицо запылало так, будто с него сейчас хлынет масло. «Волосинки попали, должно быть, с меховой подкладки. Кожа у тебя всегда нежная, всякий пух да пыль тебе вредны. Они же знают, как же допустили, чтобы такое случилось? Вот я их!»

Пока она говорила, её дыхание снова коснулось моей кожи, отчего даже в глазах стало жарко. Тело горело, и даже лёгкое шёлковое платье казалось тяжёлым. Хотела пошевелинуться — а

тело словно одеревенело, и я лишь безвольно позволяла ей делать со мной что угодно, будто глиняная кукла.

Она раздвинула мой воротник обеими руками, тщательно осмотрела всю шею и, убедившись, что больше ничего нет, отпустила. Потом взглянула на меня и с притворным неведением спросила: «Что это ты так раскраснелась?»

Я воззрилась на неё: «В павильоне жарко, от жаровни».

Она мягко улыбнулась, взяла у служанки чашку чая и поднесла мне: «Тогда выпей чаю, освежись». Дождавшись, пока я отпью, она повела меня обратно. Матушка тоже уже переоделась и, взяв меня за руку, сказала: «Погода славная, Тайпин, пройдемся со мной». Подведя к выходу, она остановилась. Принцесса Цяньцзинь уже держала наготове матушкину накидку и набросила ей на плечи. Поскольку Ваньэр уже обула матушку, принцесса взяла у неё деревянные сандалии и, склонившись, надела их на ноги императрицы.

А-Хуань, видя её усердие, тоже взяла у Сяньсянь меховую накидку и накинула мне на плечи. Матушка обернулась к ним с принцессой Цяньцзинь: «Уже поздно, ступайте. Оставьте Тайпин здесь».

Принцесса Цяньцзинь изобразила на лице неохоту, ещё и ещё раз прощаясь с матушкой. А-Хуань, поклонившись вместе с ней матушке, обратилась к Ваньэр: «Морозно, путь скользок. Прошу вас, тайцзянь, позаботьтесь о матушке и присмотрите за Тайпин».

Ваньэр отступила в сторону, уклоняясь от поклона, и опустила голову: «В этом моя обязанность. Вы слишком почтительны, госпожа». А-Хуань ещё раз взглянула на меня, и вместе с принцессой Цяньцзинь они, склонившись, отошли в сторону. Матушка, держа меня за руку, вышла, обошла извилистые тропинки и от Чертога Собрания Бессмертных неспешно направилась на восток, к Длинной галерее на реке Ло. У воды дул сильный ветер, так что мы на галерею не поднялись, а лишь прошли несколько шагов вдоль реки на юг. Матушка, видя, что я всё молчу, подняла на меня взгляд: «Тебе нечего сказать матушке?»

Я сделала обиженное лицо: «Есть, да не знаю, как начать».

Матушка рассмеялась, похлопала меня по руке и сказала: «Есть что сказать — так говори. Что значит — не знаешь, как начать?»

Я опустила голову, уставившись на носки туфель: «Муж завёл на стороне женщину».

Матушка приподняла бровь: «И?»

Я с упрёком взглянула на неё: «Матушка знала?» Увидев, что она молча улыбается, я ухватила её за руки: «Выходит, весь свет в курсе, одна я в неведении!»

Матушка, глядя на моё негодование, с усмешкой взяла мою руку, слегка присела, чтобы быть со мной на одном уровне, и сказала: «Я и сама недавно узнала. Твой управляющий Лю Хоудэ донёс через дворцового цензора. Он ведь и тебе сообщил?»

Я ответила: «Прямо не сказал, только намёками — дескать, муж живёт в северной части квартала Сыгун. Я людей послала проверить — вот и узнала. Если уж он, чужой человек, проведал, наверное, по обеим столицам уже слухи ходят».

Матушка ласково потрепала меня по щеке: «Он твой управляющий, в будущем на тебя

рассчитывает, вот и старается обо всём доносить. Кому ещё до того дело? Но и ты хороша! Твоя невестка ещё тогда предлагала — подарить тебе слуг из дворца. Ты отказалась, да и сама не позаботилась. Теперь вот он на стороне женщину завёл. Вместо того чтобы с этой семьёй разобраться, на матушку злишься!»

Я топнула ногой: «Я не на матушку злюсь и не на ту семью обижаюсь. Матушка, не надо мне слуг дарить... я сама хочу с этим справиться».

Матушка пристально посмотрела на меня и лишь спустя время спросила: «Тайпин, скажи матушке честно. После того как ты из дворца выехала, как муж к тебе относился? Вы... вместе были?»

Я не ожидала такого прямого вопроса, слегка покраснела и смущённо пробормотала: «Матушка, к чему это ты?»

Матушка не ответила, а спросила иначе: «Чжэн Бо тебе нравится?»

Я замерла, потом прошептала: «Папа с матушкой из тысячи выбрали... конечно, нравится».

Матушка взяла мою руку, положила её на свою ладонь, накрыла другой и погладила. «Нравится — и хорошо».

У меня ёкнуло сердце. Я подняла на неё взгляд, но на её лице не читалось ни радости, ни гнева. Она лишь спокойно сказала: «Матушка думает так: если он тебе ещё мил, прикажи ту Чжу Мяоэр казнить, а с мужем живи в мире. Если не мил — разведись. Матушка найдёт тебе другого, хорошего».

Я поспешно ответила: «Я специально во дворец приехала, чтобы об этом с матушкой поговорить. Матушка, я уже не ребёнок, с мужем больше года прожила. Как поступить — я уже решила. Умоляю, позволь мне самой с этим разобраться».

Матушка искоса взглянула на меня: «Уже решила?»

Я кивнула: «Умоляю матушку дать Чжэн Бо какую-нибудь должность, чтобы делом занялся. В остальном — матушке не стоит беспокоиться».

Матушка фыркнула: «На всём свете только ты можешь такое сказать».

Я, хихикая, обвила её руку и принялась качать: «На всём свете только я у матушки одна дочь».

Матушка бросила на меня взгляд, подняла подбородок и холодно приказала: «Объявить: мужу принцессы Чжэн Бо жалуются должность ланчжуна отдела жертвоприношений». Не дав мне рассмеяться, она добавила: «А ты тут поживи немного. Через несколько дней пусть Чжэн Бо сам приедет за тобой».

Это была нежданная радость. В душе я ликовала, но на лице изобразила неохоту, повисела немного на матушке, понуро кивая.